

Незабываемое

Вет. Москва - 1992 - 30.07.92 - с. 8

РАЗГОВОР С ТУРЧАНИНОВОЙ

В дни моей молодости, когда я только начинал заниматься историей театра, судьба свела меня с великой русской актрисой — 90-летней Евдокией Дмитриевной Турчаниновой. Она имела облик уютной московской старухи, и беседы наши сопровождалась угощением и потчеванием: "Пирожка, водочки". Но была Турчанинова человеком огромного ума и удивительной памяти, и беседы эти представляли для меня большой интерес. Подарив мне книжку, она написала на ней: "На память Абраму Львовичу Штейну, благодарная за его сердечное внимание и приятные полезные беседы".

Порой мы говорили даже о политике. Евдокия Дмитриевна высказывала разные мнения. "Если бы я не была верующая, я вступила бы в партию", — сказала она мне однажды. А в другой раз рассказала такую историю: "В театре у нас плохо, нет репертуара, труппа очень ослаблена, дисциплина пала. Я выступила на собрании и сказала об этом, а окончила словами: "Коммунисты, поддержите". И, представьте, ни один человек меня не поддержал. Не хотели портить отношения с начальством".

Дочь Евдокии Дмитриевны рано умерла, зять был репрессирован и выслан на Дальний Восток. И вот 80-летняя Турчанинова со-

вершает чрезвычайно трудную поездку в далекие края, чтобы увидеть и поддержать одинокого и несправедливо пострадавшего человека.

Но главные беседы шли, конечно, о старом театре и его великом апостоле Островском. Актеры Малого театра не допускали никакой отсебятины, не искали никакого "современного прочтения", они ставили перед собой одну задачу — точнее передать и воплотить замысел Островского.

Вот одна такая беседа. Я расспрашивал свою собеседницу о ее предшественнице — легендарной артистке Малого театра Ольге Осиповне Садовской. "Я хорошо лично знала Садовскую, играла с

ней во многих пьесах, — ответила Турчанинова. — Это был талант первостепенный. В жизни она не производила впечатления интеллигентного человека. В ней самой, в ее манере и поведении воплощалась вся старая Москва. Она была плоть от плоти ее живая представительница тех многочисленных старух из народа, которые жили на Руси. От них у нее был и взгляд на мир, и манера говорить, и манера держаться. Их она в совершенстве понимала. Особой набожности в ней не было. Была она, что называется, официально верующей. Трудно сказать, насколько сознательно было ее отношение к искусству, но быт она не только знала, но специально им интересовалась. На сцене она была абсолютно живой, говорила необычайно просто и от природы художественно. Тон Островского был ее естественным тоном.

Ко мне она относилась хорошо. Но была нелицеприятной. Спросишь "Как я играю?" — ответ короткий, скажет: "Хорошо", или "Нехорошо". Но при том общем, что было в ее ролях, она была удивительно разнообразной. В "Своих людях — сочтемся" она играла сваху. Играла ее веселой, всегда в приподнятом настроении, все делает с прибаутками, с приплясом. Такая сваха за словом в карман не полезет. В последнем акте, узнав, что она обманута, сваха свирепеет, ругается, как мужик, лезет с кулаками, выхватывает узел с вещами из рук, плюется.

Таково одно ее создание. И в "Бедной невесте" она сыграла мать-героиню. Играла растерянную и беспомощную женщину, такую растерянную, что таких сейчас просто не бывает. Но была одна роль, в которой Садовская мне не нравилась. Это роль старой купчихи Барабошевой в пьесе

"Правда хорошо, а счастье лучше". Садовская казалась мне в этой роли какой-то чересчур свирепой. И вот, исполняя эту роль, я пошла по другому пути. Я играла Барабошеву красивой и властной старухой. В молодости у нее был роман с молодым солдатиком. А потом жизнь развела их. Оба очерствели, стали меркантильными и бесчувственными. Глубокиими стариками они встретились вновь. И в этих очерствевших людях проснулись человеческие чувства. И мелькнули воспоминания о молодости, когда они любили друг друга и были счастливы. Подобная трактовка помогла раскрыть сложность человеческой природы и человеческой жизни. Так верность традиции не мешала по-новому, а порой более глубоко воспринимать и истолковывать образы Островского.

А. ШТЕЙН,
доктор искусствоведения.